

Андрей ПУЧКОВ

Сосновоборск

Андрей Викторович Пучков родился 24 июля 1963 года в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии в 1984 году служил в МВД на различных должностях. В 2017 году начал писать стихи и рассказы. Рассказы и стихи печатались в журналах и альманахах России. В 2019 году стал призёром (2 место) в номинации «Сказка — ложь, да в ней намёк» конкурса «Большой финал» и лауреатом (1 место) в

номинации «Проза» Международного литературного конкурса «Русская душа», посвящённого 90-летию В. М. Шукшина; в марте 2020-го — лауреатом (1 место) литературного конкурса Русского космического общества «Империи Человека: Эра Косматики». Дипломант «Нового Енисейского литератора» за 2020 год в номинации «Проза». Лауреат альманаха «Новый Енисейский литератор» за 2022 год.

УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стылом воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина. Казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

— Э-ге-ге-ге-е-е-е!.. — заорал я в надежде, что крик всколыхнёт лесную глушь и покачнёт неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо неподвижные столбы белого дыма, поднимавшиеся от каждой избы.

— Э-ге-ге-ге-е-е-е!..

— Э-э-эй! Степаныч!.. — услышал я сквозь сон голос Мишки «Черепя» и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставать не хотелось, тем более после такого сна. Закрывать бы опять глаза да досмотреть!.. Может, и морозец почувствую! Может, он нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве...

— Ну и чё ты как потерпевший орёшь? — зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и зябко поёжился, вопросительно посмотрев на напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и через бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

— Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намечаешь? — поддел я Мишку и, сев рядом на пустой ящик от патронов, потянулся. — «Бандерлоги» — они вроде как с другой стороны. Ничего не попутал?

— Да не-е-е!.. Тут другое! Кого-то нелёгкая занесла! БТР вон эскортом. Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

— Это верно, — согласился я, встал, ещё раз потянулся и, поудобнее устроившись на ящичке рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил:

— Куда смотреть-то?

— Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь? Из-за него тёмно-синий «крузёр» морду высунул. Вот на нём гости и прибыли.

— Ага, сейчас глянем, — пробормотал я и навёл СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин и с любопытством осматривались по сторонам.

Прижался щекой к упору и привычно убрал в прицеле полутени. Поймал себя на мысли, что на автомате подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

— Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, — хихикнул Мишка, — на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

— Это точно! — поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела. — Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки разом грохнули трёх наших штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на линию разграничения. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать. Хотя... если умеючи... Но откуда у них возьмутся эти специфические навыки?

Мы с Мишкой отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий напиток, заваренный с известными только нашему повару травами. Напарник, в отличие от меня, насладиться горячим чайком не мог. Он пытался его пить, постоянно дуя в кружку, но это мало помогало. Железная кружка обжигала губы. Я гаденько захихикал, когда Мишка в очередной раз обжётся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

— В первый же выход в «серую зону» у какой-нибудь бабульки кружечку, как у тебя, прикуплю, — уведомил меня напарник и опять взялся за свою железяку.

— Ты уже месяца три себе кружку добываешь, да всё никак...

— Да знаю я, знаю!.. — перебил меня Мишка. — Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

— Это каким таким делом?

— А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бдеть, тело твоё снайперское охраняючи.

— Степаныч! — засунув голову в дверь блиндажа, заорал «Гаврик» — невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. — Давай бери свою «черепушку» и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.

— Сам ты «черепушка»! — заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым цинком, который он использовал вместо пепельницы.

«Гаврик», взвизгнув, спрятался за дверью и что-то проорал на языке родных осин.

— Мамай недобитый! — пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я засмеялся: худощавое Мишкино лицо с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать, что к чему, направился к гостям.

— Здоров, ребята! — поприветствовал я бойцов у прибывшего БТРа и сел на корточки, привалившись спиной к могучему колесу. — Откуда гости? Наши? Али как?..

— А хрен его знает! — хмыкнул лежащий на крыше БТРа боец, судя по масляным пятнам на камуфляже — механик-водитель. — Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.

— А чего они не на броне, а на этой фиговине? — кивнул я в сторону японского красавца.

— А это они до первого обстрела форсят! — засмеялся другой боец, удобно развалившийся на выложенной из битого кирпича лавке. — Как первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а потом и танк потребуют! Были уже случаи.

— Степаныч! Давай сюда! Ждут! — высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя подозреваю, что командира немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилась фамилия русского путешественника Миклухо-Маклая.

— Проходите, присаживайтесь! — пригласил нас комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости — два человека.

Один — в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и штаны. Но по манере держаться и выправке сразу видно — кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный и за себя постоять сможет.

Второй, в отличие от своего неподвижно сидевшего напарника, без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не

знали покоя и жили суетливой жизнью, перекладывая с места на место карандаши, ручки, линейки — всё, до чего дотягивались. Но больше поражало его звание — полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне со свету, грешным делом, показалось, что это старлей! Но нет, точно полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького пиксельного камуфляжа.

— Как вы уже знаете, — начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, — неделю назад к «азовцам» прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километров отсюда и три дня назад сработала по жилому сектору.

Майор помолчал, давай время свыкнуться с этой мыслью, а потом, приподнявшись и ткнув карандашом в карту, продолжил:

— Основные удары пришлись сюда и сюда. Есть погибшие — ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил нас с гостями друг другу. Если в тайны играть начали, значит, точно какая-нибудь дрянь ожидается.

— Они это и без нас знают, — перебив командира батальона, сказал полковник и взял карандаш, постучав им по столу, ожидая, что кто-то из нас выскажется. Не дождался.

— Они это знают, — повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил: — Но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Полковник помолчал немного, а затем резко поднялся и прошёлся по блиндажу, остановившись позади нас с Мишкой. Я еле удержался от того, чтобы не обернуться. Не люблю, когда за спиной стоят! Напрягает, знаете ли.

Передо мной на стол упало несколько цветных фотографий хорошего качества, запечатлевших молодого мужика тридцати пяти лет на фоне киевского «Самсона». Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой — тельняшка. Куртка гражданская, без нашивок,

поэтому определить его принадлежность к роду войск, да и вообще к вооружённым силам было невозможно.

— Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл. Ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

— Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? Никаких мыслей не появилось?

— Появились мысли, — вздохнул я. — Как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание, чтобы неповадно было. Тем более что он на этот раз оказался близко к нам. Отомстить, одним словом.

— Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что не бессмертны.

— Да, мы с этим согласны, — кивнул я и мельком глянул на напарника.

Дождался, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил:

— Нам только непонятно, каким образом снайпер, который должен убрать этого типа, — ткнул я пальцем в фотографии, — подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по «серой зоне», это возможно: и мы, и добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

— Охотно верю! Проблема есть! — легко согласился полковник и опять постучал карандашом по столешнице. — Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили, и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

— Капитан, прошу вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на большезвёздного соседа, вдруг выдал:

— Я изначально был против такого способа проникновения на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

— Я бы вас, капитан, попросил держать при себе то, что вы считаете! Решение принято, и вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

— Я так понимаю, что вы в исполнители назначили нас, — кивнул я в сторону Мишки, — и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

— Прошу вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать! — опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил: — Как только узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу доводы, почему вы не только согласитесь, но и с радостью отправитесь пристрелить этого Молейко!

Я с трудом проглотил вставший в горле комок.

— Это правда *он*? — спросил я и посмотрел на капитана.

— Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности...

— Я знаю это и потому верю вам, — не дал я ему договорить. — Давайте вашу идею. Что придумали-то?

Капитан посмотрел на молодого начальника, и тот, вытащив карту из лежащей на столе папки, развернул её и подвинул к нам.

— Зелёной линией обозначен путь, по которому вы доберётесь почти до самой батареи. Это коллектор — подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи Министерства обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии и тем более местоположении строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие

военные, проходившие здесь службу, вспомнили о нём и предоставили сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

— Коллектор берёт начало в «серой зоне», вот тут, — сместил он карандаш к зелёной точке, — а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от лесополосы — дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеется с десятков разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной батареи не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед глазами всплыла дикая картина: мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь... Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело сына, вою, как волк, вою тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

— У тебя есть вопросы, старшина? — обратился ко мне полковник, игнорируя Мишку.

— Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

— Почему так долго? Почему через три?

— А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, — пожал я плечами, — каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

— Хорошо!.. Три так три — на том и порешим. Надеюсь, за это время батарея позиции не поменяет. Всё, свободны!..

От сопроводительного отряда по «серой зоне» я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

— Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? — поинтересовался Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. — Чё сделать-то за это время хочешь?

— Какие там три! — усмехнулся я. — Сегодня ночью и выйдем.

— Какого хрена?! Почему?!.. Ты чего, затылок, что ли, себе шокером почесал?!

— Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

— Не веришь им?

— А ты веришь? — вопросом на вопрос ответил я.

— Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Прошли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

— Вот именно, — вздохнул я. — Если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ошип.

— Тоже верно, — согласился напарник и, ускорив шаг, спросил: — Насколько я понимаю, мы сейчас топаем за бандеровским тряпьем?

Я кивнул.

О том, что надо в военкомат, я узнал случайно, от соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня действительно были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого потеряла смысл. Единственное, что несло облегчение, если это можно так назвать, — жена не узнала, что сын умер.

— Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, — как-то раз посоветовал сосед, — может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав, может, и полегчает, тем более что находиться одному в пустой квартире было невыносимо.

— Слышал я о вашем горе, — вздохнул военкоматский подполковник, к которому меня направили как добровольца, — и сдаётся мне, что вы теперь смерть искать будете.

— Нет, не буду, передумал уже, — усмехнулся я. — Нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, я на тот свет не собираюсь.

— Я так полагаю, что за это они с вами никогда рассчитаться не смогут, — вздохнул подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил: — Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что у меня за плечами было, — это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз, в прямом смысле слова. Из «мелкашки», конечно. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё — хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба забросила в украинский Донецк, где я устроился на металлургический завод, встретил любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на линию разграничения. Да, убивал. Много убивал. Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Поначалу даже Мишка просыпался от этого. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к «бандерлогам» поближе, я видел в прицел их усатые рожи и стрелял прямо в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Мы с Мишкой не воспользовались обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, держась подалее от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли — дождёмся рассвета, осмотримся и решим, что делать.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, зашныряли машины: и поодиночке, и в составе небольших колонн, и военные, и гражданские, проскочило несколько БТРов. Над каждой машиной развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопаситься от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности к идеалам украинской же демократии.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности, — этот полкан — москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

— Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом потихоньку выдвигаемся. Но планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят БТР и две «буханки».

— Глянь-ка, — толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем в нужную сторону.

— Вот же ж ё...прст! — выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку. — Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь. А если он сменит позиции? Резонанс от смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи

его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета «уазика».

— Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку, и айда на дорогу! — прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, натянул на голову.

— Степаныч! Ты чего, на этот раз головушкой ночью в пол ткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем как три тополя...

— Вот именно что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон как раз и транспорт нарисовался!

И я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

— Оттуда? — кивнув в сторону «серой зоны», спросил сидевший рядом с водителем мужик.

— Ага, оттуда, — буркнул я, расположившись на заднем сиденье. — Шуганули нас, еле смылись!

Мужик хохотнул:

— Это бывает! Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался! — и он постучал кулаком по бедру, показывая, куда его зацепили.

Кто это такие, я не определил. Ни одной нашивки на форме. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный «москалями» пассажир — в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу заметно. Наверное, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй — водила, молодой, года двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но опять же — чёрт его знает?!.. Одет также не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали одежду из кучи. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она разного цвета.

— До кого направляетесь? — поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. — Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил:

— Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

— А! Да-да-да!.. — хлопнул тот себя по лбу. — Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо!

И он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам, сказал:

— А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею, — и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Стареет он! Проверяльщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

— Сколько москалей-то завалили? — спросил, мельком глянув, водитель.

Видно было, что ему хочется поговорить, скучно ехать с таким напарником, как усатый. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да ещё и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых?

Я посмотрел на пожилого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, востроенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

— Ты, Сёма, лучше рули молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

— Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, — вдруг спросил он, — а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! — и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка усы. — А у тебя что? У тебя, Сёма, ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма! — наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятью минутами раньше.

— Обгоняем? — спросил водила, коротко глянув на усатого.

— Да не, не стоит, — пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины, — отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и езжай не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся.

Он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:

— Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый — потому что хотел спать. Он клевал носом, и когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять задремать.

— Что, решили горилкой нервную систему подлечить? — засмеялся усатый, когда мы выбрались из машины возле небольшого магазинчика, у которого я попросил остановиться.

— Ага, как же, полечишь тут, — засмеялся Мишка, — здесь ничего крепче газводы нету! Защитники отечества всё реквизируют — давненько уж завозить перестали.

— Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!.. — хохотнул усатый и захлопнул дверцу машины.

— Как думаешь, Степаныч, кто это? — спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая винторез на ремень.

— Да хрен его знает, Миш? На «бандерлогов» или ещё какую дрянь не похожи, никаких цацек не наклепили, — ответил я и внимательно осмотрелся.

— Что это вдруг не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить, и всё.

— Ну, во-первых, трезвые они — это не основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, в нынешние времена настоящий вояка не будет хвастать ранением, полученным на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может, и перед своим водителем. Во-вторых, видел их рацию?

— Видел — и чё? — хмыкнул напарник. — Рация-то при чём?

— При том... плохенькая рация, слабенькая, да и машинка старовата. По этим признакам вроде на ВСУшников

похожи, но сам же видел, не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры, нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

— Ну да, похоже на то, — пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил: — А может, они того — по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдаят, а потом и возьмут тёпленькими.

— Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

— Всегда готов! — по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

— Хватит ржать, — прошипел я и осмотрел пустую улицу, — прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, озираясь, направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, функционирующему магазину.

Магазинчик небольшой, однако рядом с окном пристроился стол с тремя расшатанными стульями — по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают здесь и употребить свою попку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы — упитанной улыбчивой женщины, одетой в модную сейчас вышиванку:

— Чего это у вас никого нет? Ни на улице, ни по оградам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

— Так попрятались все, мил человек! Страшно под бомбы-то попасть... вот и разбежались кто куда.

— Под какие такие бомбы? — не понял я. — Они же по домам не бьют.

— Бить-то не бьют, — опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки, — да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побил! Вот и боимся, что ответить могут.

— Ну да, ну да, — пробормотал я, выглядывая в окно, — всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, поберечься людям надо.

— Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже.

— Да не, нам бы простой водички пару бутылочек, — улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на столешницу пару помятых купюр, — желатель-но холодненькой, если есть. Жарко...

— Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то? — засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопошилась там несколько секунд и, вынырнув, постави-ла на прилавок две запотевшие пол-литровые бутылки с водой:

— Может, ещё чего? Покушать?.. Пирожки с капуст-кой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

— Бери по парочке, как раз и перекусим!

Мишка кивнул и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо в магазине, благо что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять.

Если откровенно, то нам повезло. Дико, невероятно по-везло! Здесь не было военных — ни армейцев, ни бандеров-цев. В ожидании ответки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, об этом разведка не докладывала. Зато «бандерлоги» водились! Это я знаю точ-но — сам видел, и не только видел!.. Выбирались мы с Миш-кой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

— Что делать будем? — спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике брошенного дома. — Может, рванём к воинской части, от-куда батарею видно, заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим?

— Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении ма-скировки и разведки! Если вход охраняется, чем отбрехи-ваться будем? А вдруг нашумим? Значит, нам дорога только в «серую зону» и останется, если живы будем.

— А что тогда?

— А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопа-ем скорым шагом к батарее.

— Очумел?! Заметят же на раз!

— Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят...

— А если позвонят кому? Здесь наверняка их наблюдатели есть.

— Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более мы в их цвета выпачканы, вроде как свои.

— А если нарвёмся?..

— А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

— Ну ты наглец, Степаныч! Мне нравится...

— А мне нет, — прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз повезло, мы успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, пятясь задом, как раки, сдали назад. Вскочив, рванули через узкий переулок на другую улицу.

Попались, когда уже прошли частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и всей кожей почувствовал взгляд. Обернулся и заметил на другой стороне улицы трёх военных, внимательно нас разглядывающих. Стал тыкать пальцем вверх и махать рукой: прячьтесь, мол.

Те недоумённо уставились в небо. Я принял слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, и демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками побежал к ним. Наглеть — так уж по полной программе!

— Вы чего так выперлись? — спросил я, выпучив на них глаза. — Жить, что ли, надоело?

— Чё это вдруг жить надоело? — спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами. — Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, — усмехнулся он, и меня обдало густым запахом перегара.

— А теперь могут пристрелить прямо оттуда, — ткнул я пальцем в небо, — и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

— А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, — задрал голову вверх второй и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.

— Дрон вы должны были увидеть! — рявкнул я и зло уставился на старшего, всем видом давая понять, что его веселья не поддерживаю. — И не простой дрон, а дрон, из которого дырку в голове можно за километр сделать.

— Да ладно! Брешешь! — не поверил старший, но благодарно ушёл поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

— Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, — окрылся я и, сунув ему под нос СВД, сказал: — Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается...

В подтверждение моих слов где-то недалеко, за домами, раздались один за другим два выстрела.

— Вот чёрт! — выругался я. — Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь!

Не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, я махнул напарнику рукой и побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убежать не стали и спокойно занимались домашними делами, безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю они даже не приближались — видимо, давно поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им не пришлось даже маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о них, то ответить не смогут. Слишком близко к домам размещены орудия.

Рано утром, под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобрались к ближайшей двухэтажке. Стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру на первом этаже.

Эту квартиру я заметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушений мы так и не установили. В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна просто выбили изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались. Убедившись, что в подъезде никого нет, мы, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, откуда через подъездный люк забрались на чердак.

Позиция — загляденье. Одно из слуховых окон выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отступить сможем быстро, скатиться с чердака до первого этажа — дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД нельзя — грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же — в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером. Я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт, но нет. Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать хозяйство. На пьяные выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылью с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы, могут спяну и морду набить. Постоял немного и, будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

— Пора, Степаныч! — прошептал Мишка. — Эта сволочь заподозрила что-то. Как бы не смылся!..

— Не успеет, — усмехнулся я и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

«Винторез» дёрнулся, клацнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

— Это ещё не всё, сука! — ощерился я и, прицелившись в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

— Миш! — повернулся я к напарнику, лежащему рядом. — А ведь он себе язык откусил! — и, опять прикинув к прицелу, злорадно прошептал: — Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... — и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

— Надо уходить! — раздался над самым ухом Мишкин голос. — Ты слышишь, Степаныч?! Всё! Уходим!.. Степаныч... — и напарник вдруг захихикал. — Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех «бандерлогов» распугаешь.

— Да всё, всё... проснулся уже, — пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

— Чё там? Новости есть какие?

— Не, пока ничего нового, тихо, — ответил напарник и, сплюнув, добавил: — Если завтра не появится, надо будет сваливать...

— Согласен, — пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Боялся, что когда придёт время, я не выдержу и всё произойдёт как во сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором душу терзала

радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как Молейко.

Он появился, когда смеркалось. Пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых оснащалась всеми положенными атрибутами Вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, напротив заданных кверху стволов орудий. Поговорили, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудью и закопошились возле щитков.

— Прицелы, суки, снимают! — прошипел Мишка и, отложив бинокль, взялся за СВД.

— Даже не думай! — цыкнул я на него. — Успеешь ещё...

— Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

— Вижу... — пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, упёрся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, выдохнул, поймал в прицеле «винтореза» стриженный затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался хлопок, показавшийся оглушительным под шиферной крышей. Я посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, просунувшись головой вперёд, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы умудрились ни на кого не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал. Какое-то время на него вообще не обратят внимания — стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это даст фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, улицы по-прежнему пустовали. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к обязанностям относился по-хамски. Первые не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит, свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались, кто и откуда, но услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, осторожно поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в «серую зону» — здесь, напрямки, или отмахать до конца в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом проблемы — нужно ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

— Степаныч! А если мы опять уедем? По-наглому сядем и уедем! — сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. — Гляди, что-то советское прибывает.

— Едем! — не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой «шестёрке», остановившейся возле магазина, выбрался из кустов.

Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

— Здорово, батя! — поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил: — Куда едешь-то?

— И вам не хворать, — настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку. — До дому я еду, вот решил внучкам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Подставу за столь короткое время не организовать. И потом, невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, увереннее, что ли. Молодые — они не так ценят жизнь, как люди, уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая

пятнами пота футболка и красное замусоленное бейсбольное кепи. И ещё руки — таких рук не бывает у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами. В поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

— А чё хотели-то? — тяжело вздохнув, спросил мужик и осмотрел пустую улицу.

— Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-он туда? — спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот приехал.

— Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то? Можно и увезти, — пробормотал мужик, обречённо пожав плечами.

Опять загрузился в машину, запустил двигатель и, пождав, пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал:

— Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодетели.. — и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил: — Недобитые...

— Ну! И как прикажете всё это понимать? — спросил комбат, когда мы с Мишкой перестали возиться, удобнее устраиваясь за командирским столом.

— А что, собственно, вы должны понять? — наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

— А я сейчас объясню, — хмыкнул комбат и, опершись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир походил на гориллу. Представив, как комбат бьёт в грудь кулачищами и ухаёт, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

— Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! — рывкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. — Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа.

— А насколько мне известно, — уже спокойнее добавил он, — выйти вы должны только сегодня вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

— Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг — это, знаете ли, серьёзно... — явно сдерживая смех, ответил Мишка и в поисках поддержки выразительно покосился в мою сторону.

— Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками! И даже — кто бы мог подумать — девицы легкомысленные! — согласно кивая, поддакнул я.

— Идите вы знаете куда со своим карточным долгом и девками! — вздохнув, сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил: — Это всё очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разрабатывал не лично наш... — комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил: — молодой звёздный друг из штаба.

— А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело сделано! И сделано чисто! — удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, уставился на командира.

— Для него большая! — вздохнул комбат. — Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проводить сложные операции!.. А тут — нá тебе!.. Исполнители гладенько провернули все на свой страх и риск... по своему, так сказать, плану, а он, получается, и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

— Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его? — спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел — с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом вошёл уже знакомый капитан разведки.

Сесть полковник не предложил, но и сам не сажился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости: челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

— Скажи, майор, почему эти двое, — кивок в нашу сторону, — не выполнили приказ?

— Насколько я знаю, приказ выполнен... — начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

— Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

— А почему бы вам у них не узнать? — спросил вдруг комбат, которого, видимо, этот цирк не устраивал.

Не спрашивая разрешения у старшего по званию, он сел за стол и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

— Вы позволите, товарищ полковник? — спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

— Да, конечно, старшина, прошу вас! — вмешался, не дожидаясь ответа полковника, капитан разведки, взмахом руки предлагая сесть и Мишке. — Так почему же всё пошло не по плану? — спросил он и тоже сел за стол.

— Это элементарно, — пожал я плечами, — нам хотелось ещё пожить.

— В смысле пожить?

— В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?

— Ну почему же не удосужились? Очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и предложили этот путь, — и он покосился на продолжавшего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, спросил:

— Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время? — подрагивающим от напряжения голосом спросил он.

Я вздохнул. О чём говорить с человеком, который не слышит, что ты говоришь? Он разве не слышал ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло.

— Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать, — чётко, по-уставному, доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил: — Как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили засаду. Грамотную засаду. Если бы не подошли сзади, то и не засекали бы её. Нас ждали на выходе из коллектора.

— Что ты... несёшь?!.. — прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

— Товарищ полковник, — слегка повысил я голос и встал из-за стола, — я далёк от мысли, что нас отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, хотя задание выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет, как рыба, открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживав меня за руку, спросил:

— Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

— А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились? — усмехнулся я. — Мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

— Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами. Проверить это никто не сможет, значит, правда то, что я сказал.

— Ну что же, может, оно и к лучшему, — не дождав-шись ответа, усмехнулся вдруг капитан. — Пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в эти катакомбы голову не сунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!..

Он взмахом руки попрощался с нами и скорым шагом направился обратно в штаб.

— Обломаться-то обломается, — пробормотал напар-ник, когда капитан отошёл на приличное расстояние. — Хорошо, если за время собственного облома никого не угробит, — и, положив винторез, как ляльку, на руки, с меч-тательным вздохом добавил: — Э-э-э-эх! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да див-чину сговорчивую!..

— Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! — про-шипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону вместо того, чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. — Ты уже два дня вопроситель-но сопишь за спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, лег-че мне не стало!.. Если ты, конечно, об этом хочешь узнать!

— Об этом, — пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покосился на меня и не-громко сказал: — Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... вроде как отомстил же!..

— Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень наде-ялся... — вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся в окопе табуретку.

Помолчал, разглядывая усиленную досками земляную стенку, и повторил:

— Очень!.. Но там, — ткнул я большим пальцем в небо, — видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы — что...

— Ого! Смотри-ка, Степаныч, — хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы, — а у нас, оказывается, новости! Походу, вместо «бандерлогов» ВСУшников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздыхнув, я поднялся, устроил винтовку на упоре удобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдернуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молодой пацан лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну... Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел в нашу сторону и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться. Он не знал, кто мы такие, и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

— Что же ты каску-то даже не надел? — пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустился на корточки, поставил винтовку между колен и закрыл глаза.

— Степаныч, ты что, промахнулся, что ли?! С такого-то расстояния?.. — раздался удивлённый голос напарника.

— Нет, Миша, не промахнулся!.. — улыбнулся я и, почти физически ощущая, как скатывается с души глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки, добавил: — Напротив, Миш, это мой самый удачный выстрел... самый удачный...